

Воспоминания о П. И. Чайковском*)

Первым шагом на избранном Петром Ильичем пути, не встретившем одобрения в среде родных, находивших неприличным заниматься артистической деятельностью, было абсолютное подчинение всей его жизни любимому искусству. Вопреки всем противодействиям, он решил стать профессиональным музыкантом.

С этого момента он бросает рассеянный образ жизни, серьезно берется за изучение теории музыки, гармонии и прочих наук, абсолютно необходимых, как он сам выражался, для того, чтобы стать грамотным музыкантом. Поступив в Петербургскую консерваторию, он всем своим существом отдается музыке. По рассказам близких, Петр Ильич целыми днями и ночами сидел над книгами, партитурами и задачами, отрешившись от других занятий и развлечений. В этом сказалась большая сила воли и вера в свое призвание.

В бытность свою в консерватории Петр Ильич начинает свой творческий путь. Закончив курс, он всецело отдается своему влечению творить, но так как в то время он не был еще признанным композитором, то, естественно, на первых порах его творческой жизни к нему относятся скептически и заработки его очень скудны. Приходится затрачивать много сил и драгоценного времени на выискивание источников, дающих возможность удовлетворить очень скромные жизненные потребности. Основным источником были уроки.

Однажды Петр Ильич был приглашен певичей-меденаткой Абаза на первую постановку в ее доме оперы «Евгений Онегин». Петр Ильич, войдя и поздоровавшись с ней, напомнил, что некогда он был ей представлен, что был ее аккомпаниатором, получая, как студент, 75 коп. в час. Хозяйка стала отрицать этот факт,

*) Статья написана автором для «Удмуртской Правды».

ибо ей, видимо, было неловко, что уже пользующийся всеобщим признанием композитор некогда эксплуатировался ею.

Став профессором Московской консерватории, Петр Ильич очень тяготился этим положением. Он жаловался близким, что кроме отвращения к преподаванию, занятия в консерватории отнимали у него много дорогого времени, отвлекая его от основной цели его жизни — творчества. Но как ни противна ему была его работа, взявшись за нее, он добросовестно выполнял ее. Учащиеся говорили, что можно было проверять часы по моменту прихода Петра Ильича на лекцию. В этом сказались его исключительная дисциплинированность, добросовестность и твердо вкоренившееся в нем чувство долга.

Строго установив свой распорядок дня, Петр Ильич столь же строго его придерживался. Утро, до обеда, он посвящал сочинению, вечером писал письма и никогда не сочинял, а днем, не взирая на погоду, совершал большую прогулку, длившуюся не менее двух часов.

Не имея определенного места жительства, в свободное от консерваторских занятий время, он приезжал в Каменку (Киевской губ.), в семью моей матери, его сестры, Александры Ильиничны Давыдовой и за небольшим исключением лето всегда проводил с нами. Когда его спрашивали, куда он едет, он отвечал: «Домой», т. е. в Каменку.

К нам, детям сестры, он относился как к своим родным детям. Будучи чадолубивым, он бесконечно нас баловал, играя с нами, в играх был неиссякаемо изобретателен. Отдавая нам весь свой досуг, он насыщал нашу жизнь не только весельем, но и интересом ко всему окружающему и любовью к людям. Он до мелочей входил в наши интересы, чутко следя за нашими наклонностями, желаниями и развлечениями. В играх он

проявлял столько ребяческого увлечения, что трудно было сказать — кто больше наслаждается игрой: мы, дети, или он сам. Эта черта увлечаться начатой игрой или работой проходит красной нитью через всю его жизнь. Он не только увлекался, но честно и добросовестно выполнял начатое и если ему оно сразу не давалось, то начинал с начала и не бросал, пока не добивался удачного выполнения. В этом отношении он имел на нас огромное влияние. Своей любовью к природе я во многом обязан ему. Покойная сестра, Вера Львовна Римская-Корсакова, большая любительница цветов, сошлась во вкусах с дядей. Любимым их цветком был ландыш и они способны были часами сочинять длинейшие истории из воображаемого ландышевого мира, сочинив даже специальный язык ландышей, на котором бойко говорили и даже переписывались. Когда кто-нибудь из нас заболел, трудно сказать, кто больше страдал — больной или дядя Петр Ильич от волнений за нас. Он ежечасно забегал в детскую, а то и просиживал часами у изголовья больного.

Одним из любимых развлечений дяди было чаепитие в лесу. Он обыкновенно отправлялся пешком к назначенному месту для пикника и, установив, с удовольствием тянул горячий чай через соломинку, уверяя, что ничто так не утоляет жажду, как горячий чай. После чая начинались игры, им затеянные — прыгание через костер, гонки со связанными ногами, скатывание с откосов, лежа на траве, вызывавшие всеобщее веселье и дружный хохот малышей и старцев. В этих играх дядя принимал всегда самое горячее участие.

Домик, в котором Петру Ильичу были отведены крошечные три комнаты, выходил окнами в огород, где я, главным образом, проводил день. Нам строго было запрещено мешать дяде, но в моем детском мозгу никак не укладывалось сознание серьезности

постоянной «игры» дяди, занятого нанесением точек с хвостиками на густо разлинованном листке бумаги, при чем хвостики были такие некрасивые, короткие... Я как-то влез к нему в окно и, взяв из его руки карандаш, приделал такие красивые, длинные хвосты к его точкам, гораздо лучше, с моей точки зрения, чем его закорючки. И он не сердился. Я предложил ему вместо этой скучной игры сыграть в железную дорогу, но он не внял моему предложению и продолжал все ту же скучную игру.

Одним из развлечений были домашние спектакли. Петр Ильич был, как водится, инициатором, режиссером, декоратором и суфлером. Спектакли всегда имели большой успех, так как, по уверению взрослых, были очень прилично разыграны, конечно, благодаря Петру Ильичу, который добросовестно выполнял все обязанности, принятые им на себя, и умел участников подготовить и интересно оформить спектакль. В такой близости с дядей протекало мое детство.

В 1885 году Петр Ильич покидает Каменку, все же ежегодно наезжая туда на короткий срок. Такое решение было вызвано двумя соображениями. Семья Давыдовых стала слишком многолюдной. Требования к Петру Ильичу со стороны молодежи возрастали и все больше отрывали его от работы. Кроме того, моя мать часто болела и волнение за жизнь любимой сестры ему стоило колоссального нервного напряжения. Он сам говорил, что это «подасть душевную» — бежать из дома, но в эти дни он не был в состоянии работать. Кроме того, растущая слава, необходимость постоянного общения с людьми, от которых зависело продвижение его сочинений и их исполнение, требовали от него частых поездок в столицы — Петербург и Москву. Поэтому своим местом жительства он избрал г. Клин и его окрестности, откуда ему было легче посещать столицы.

Осиротела Каменка, не стало главного инициатора веселья. Этот период совпал с моим поступлением в школу. Отдали меня в Петербург, ку-

да часто приезжал и дядя, поэтому наше общение не прервалось. В этот, уже юношеский период моей жизни, я более сознательно относился к окружающему и более внимательно наблюдал за Петром Ильичем, слава которого разрасталась. Но чем больше росла слава Петра Ильича, тем интенсивнее он работал, тем проще и общительнее становился, а в отношении к нам, родным, и говорить не приходится. В дни его приезда в Петербург, он все свободное время проводил с нами и близкими, интимными друзьями. Материальные условия хотя и поправились, однако, денег у Петра Ильича никогда не хватало. Причина тому — его безграничная доброта. Он не умел отказать нуждающимся и, нужно правду сказать, многие его злостно эксплуатировали, да и на нас, его любимцев, тоже уходило немало средств. Но основные заработки уходили на стипендии и помощь в учебе молодежи, казавшейся ему одаренной. Зная по себе, как тяжело бывает начинающему артисту, он щедро помогал. Эта безграничная отзывчивость П. И. к чужому горю была очень характерна для него.

При беглом знакомстве с биографией Петра Ильича выносишь новое представление о частых кутежах, склонности его к спиртным напиткам, а между тем Петр Ильич никогда много не пил. Его выражение «кутить» отнюдь не означало кутеж, как это обычно принято понимать. Если он нервничал, если страдал бессонницей, то в виде успокоительного или подбадривающего средства он выпивал 2-3 крошечные рюмки коньяку, в кругу же друзей с удовольствием пилюду-две стопки белого столового, легкого вина и в этом случае говорил: «А я опять кутил». Не раз приходилось мне быть на таких «кутежах», на которых благодаря его бесконечной изобретательности было всегда весело и радостно, но вина было выпито очень мало. Последний такой «кутеж» явился фатальным в жизни гениального творца «Пиковой Дамы» и «Шестой симфонии».

После спектакля в Александровском театре, мы, гурьба молодежи, вместе

с композитором и другом Петра Ильича — Глазуновым и артистом-рассказчиком Горбуновым, пошли «кутить» в ресторан Лейнера. Желая утолить жажду, Петр Ильич попросил стакан воды. Кипяченой воды не оказалось, а в Петербурге в то время была эпидемия холеры. Тогда Петр Ильич, вопреки всем уговорам, потребовал сырой воды. В ту же ночь у него появились все признаки холеры и через 4 дня его не стало.

Наступил тяжелый момент расставания... К дому, на углу Малой Морской и Гороховой стекались толпы людей. Уже с утра десятки тысяч людей заполнили тротуары по пути следования погребального шествия. За час до выноса я уже не мог пробраться в квартиру и, прижавшись к нише окна лестницы, ждал... Горько и томительно было ожидание. Но вот несут гроб. Дядя Модест Ильич с братом Владимиром несли в паре. Модест Ильич был меньше ростом и ему трудно было идти в паре с рослым братом, и я его сменил. Не прошли и двух поворотов лестницы, как ко мне обратился весь в слезах старик и умолял уступить ему мое место. Видя отчаяние и горе просящего, я уступил. Около 4-х часов дня, на углу Невского и Садовой, кортеж поровнялся с Публичной Библиотекой. Ремонтировался ее фасад. Визбравшись высоко над толпой, в амбразуре окна, стояли рабочие, все в краске и извести. Тишина была полная. Все были поглощены сознанием утраты и горем, никто не разговаривал, была видна общая, неподдельная скорбь... И в тишине раздался громкий голос рабочего: «Смотри, Русь, незабвенного везут!»...

Прошло 46 лет. В скромном домике в Клину Московской области живет память о «незабвенном». В музее его имени, в том самом домике, который так внезапно навсегда покинул Петр Ильич, кипит жизнь. Научные работники изучают богатое наследие великого художника. И счастлив я, что судьбе угодно было, на склоне лет, дать мне возможность хотя бы крупную вложить в дело увековечения памяти Петра Ильича.

Ю. ДАВЫДОВ.